

Анализ полученных данных позволяет сделать определенные выводы об изменении в восприятии данного фразеологизма носителями языка:

1. В качестве основных во фреймовой структуре фразеологизма сохраняются следующие когнитивные признаки: негативная коннотация, выраженная в разнообразных слотах, характеризующих объект и отвечающих за описание происходящего действия; количественная характеристика, сохраняющая функцию усилителя негативного начала; временная характеристика, которая подвергается в сознании носителей языка значительному расширению – в ней образуются две группы признаков, подчеркивающих быстроту и краткость, с одной стороны, и указывающие, наоборот, на длительность ситуации, с другой стороны.

2. В количественной характеристике наблюдается постепенное смещение акцента: на первый план выходит признак, подчеркивающий не множество описываемых объектов, а их всеобщность, тотальность, что способствует, на наш взгляд, еще большему усилению отрицательной экспрессивности.

3. В сознании носителей языка происходит конкретизация субъекта: в результате проекции ситуации, описанной в данном фразеологизме, на себя самих и окружающих активизируются слоты, указывающие в качестве субъекта самого говорящего или его собеседника.

4. С нашей точки зрения, во фреймовой структуре фразеологизма происходит смещение акцента в эмоциональном плане. В отличие от фразеологических словарей, в которых данный пример сопровождается пометой «ирон.», выполняющей такие функции, как «насмешка, лукавство, выражение превосходства/снихождения, скептицизма, критическое отношение к объекту» [6, с. 227], негативный компонент, присутствующий практически во всех слотах фреймовой структуры, способствует активизации не иронии, а определенного сочувствия к субъекту, вызываемого вследствие абсолютно негативно окрашенной ситуации, в которой субъект является «пострадавшим». Доказательством этого является проекция части испытуемых данной ситуации на себя (конкретизация субъекта) и активизация субъекта фрейма, связанного с темой вины.

Таким образом, на основе проведенного эксперимента можно сделать вывод о том, что при восприятии данного фразеологического оборота информантами намечаются некоторые сдвиги в его значении, связанные со сменой акцентов в количественной характеристике и эмоциональном компоненте.

Поступила в редакцию 13.12.2006

Литература

1. Грянкина Е.С. Семантика фразеологизмов в сознании носителей русского языка (на материале русских и английских фразеологизмов в буквальном переводе): Дис. ... канд. филол. наук. Бийск, 2004.
2. Жукова А.Г., Мандрикова Г.М. Фразеологическая агнонимия: к постановке проблемы // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы / Сост. М.Л. Ремнева, О.В. Дедова, А.А. Поликарпов. М., 2004.
3. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова и др. М., 2003.
4. Лукашевич Е.В. Теория значения слова: эволюционно-прогностический аспект: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003.
5. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1997.
6. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / Сост. А.И. Федоров. Новосибирск, 1997. Т. 1: А–М.

УДК 801.3

О.Г. Щитова

РУССКАЯ ЛОКАЛЬНО ОГРАНИЧЕННАЯ ЛЕКСИКА СИБИРИ НЕИСКОННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVII ВЕКА: КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ

Томский государственный педагогический университет

Появление лексики неисконного происхождения в системе того или иного языкового континуума является следствием культурно-языковых контактов, без которых немислимо существование любой этнической культуры. «Диалог культур – это неременный аспект существования этнических культур» [1, с. 120].

Начало формирования русских старожильческих говоров Среднего Приобья, говоров вторичного образования, происходило в XVII в. в условиях иноязычного окружения. Тюркское языковое влияние было связано с коренным дорусским населением окрестностей будущего Томского острога. Это

зуштинцы, подданные князя Тояна, принявшие в 1604 г. русское подданство; чатские татары, поселившиеся в бассейне реки Томи во второй половине XVII в. в период русской колонизации; белые калмаки, в этот же период осевшие вблизи Томского города и принявшие в 1662 г. русское подданство [2, с. 23]. В составе первых жителей старейших острогов Западной Сибири были белорусы, украинцы, поляки, именуемые «литвой», даже немцы [3; 4]. Такой симбиоз различных этнических культур находит свое отражение в языке и проявляется в первую очередь на лексическом уровне.

Источником изучения неисконной лексики говоров Среднего Приобья XVII в. послужили в основном томские деловые документы указанного периода. По мнению В.Я. Дерягина, «при изучении истории диалектной лексики, по данным деловой письменности, следует обращать внимание прежде всего на употребление в документах местного происхождения общерусской терминологии», т.к. особенности их употребления «обязаны местной традицией» [5, с. 243; см. также 6]. В то же время описание местной, региональной лексики позволяет выявить уникальную специфику культуры того или иного края, его исторического развития [7; 8; 9, с. 61; 10, с. 83].

Изучение неисконной локально ограниченной лексики позволяет выявить особенности становления и развития говоров Среднего Приобья, начальный период формирования которых проходил в условиях диалога культур. К локально ограниченной (локальной, местной) лексике исторические лексикологи относят слова, известные в данный период преимущественно письменности данной территории [11, с. 92–93].

К локально ограниченной лексике относятся *диалектизмы, регионализмы*.

В качестве диалектизмов XVII в. рассматриваются «слова обиходно-разговорного словаря, зафиксированные памятниками не на всей территории бытования русского языка, а лишь на ее части, а также слова, либо совсем не отмеченные историческими словарями и словарями русского литературного языка, либо отмеченные до и после XVII в. как характерные для говоров и памятников только отдельных районов России» [12, с. 207]. Под регионализмами понимаются «слова различных сфер функционирования, зафиксированные только в памятниках отдельных территорий» [12, с. 211–212] и не сохранившиеся в современных русских народных говорах [13]. Кроме того, Л.А. Захарова относит к томским регионализмам «такие слова, которые обозначали явления общественной жизни Сибири XVII в., были характерны только для Сибири,

хотя могли встречаться и в памятниках других (не сибирских) регионов, но в сообщениях о событиях, происходящих в Сибири» [14, с. 159]. Вслед за В.В. Палагиной, Л.А. Захаровой мы используем понятие *сибиризмы*.

Под регионализмами, характерными только для Сибири XVII в. (сибиризмами), понимаются региональные лексические единицы в единстве их формы и значения, сфера употребления которых в XVII в. ограничивается территорией Сибири. При этом данные номинации могут быть отмеченными или не отмеченными в современных сибирских говорах. Исследование сибиризмов неисконного происхождения позволяет сделать выводы о культурных особенностях русских первоначальников сибирского края, в том числе об их связях с инокультурными этносами.

Целью данной статьи является определение корпуса локально ограниченной лексики Сибири неисконного происхождения в говорах Среднего Приобья XVII в., их анализ и типология. Источником исследования послужили главным образом томские деловые документы указанного периода, исторические словари [15; 16; 17; 18; 19], а также материалы Картотеки Древнерусского словаря Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (г. Москва).

Методика выявления неисконных регионализмов Сибири XVII в. сводится к следующему. На первом этапе происходит вычленение *локально ограниченной* иноязычной лексики, репрезентированной в сибирских деловых документах XVII в.: лексический материал проверяется по СлРЯ¹ XI–XVII вв., Картотеке Древнерусского словаря ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН (далее – КДРС) и др., при этом отсеиваются лексемы, имеющие общерусское распространение, вывод о котором делается на основании локализации контекстов. На втором этапе – выявлении *регионализмов Сибири* из числа локально ограниченных единиц – решающую роль играют материалы КДРС: если анализируемая номинация представлена иллюстрациями только из сибирских памятников письменности, то ей присваивается статус регионализмов Сибири. На данном этапе используются также работы по региональной исторической лексикологии. Особое внимание уделяется словам, не зафиксированным в СлРЯ XI–XVII вв. и других словарях древнерусского (старорусского) языка, в КДРС. На третьем этапе работы с локально ограниченной лексикой Сибири определяется *ареал* распространения иноязычных слов на территории Сибири по данным исторических и этимологических региональных словарей [15; 16; 17; 18; 19] и публикаций по сибирской исторической лексикологии.

¹ Сокращения источников даны в соответствии с [30].

С точки зрения специфики совпадения/несовпадения со словами общенародного русского языка можно выделить следующие группы неисконных регионализмов Сибири XVII в.

1. Русская локально ограниченная лексика Сибири неисконного происхождения, не имеющая общерусских соответствий (собственно лексические регионализмы).

Тюркизм *алман* обозначает 'побор, дань, собираемую в пользу правителей местных народов Сибири'. «А силою де и насильством с ясашных людей алману имать... не будем», Томск, 1680 г. [15, с. 13]. В СлРЯ приведен контекст из сибирских деловых документов: «Бѣлые колмыки... съ ясашныхъ людей имали на себя алманы ячменемъ и соболми и всякимъ звѣремъ и железомъ и кожами красными» [20, с. 332], 1676 г. [19, т. 1, с. 30]. Лексема отмечена на территории Томской губернии: в бумагах Томского и Кузнецкого острогов [17, с. 7]. Рассмотренный сибирский регионализм коррелирует по значению с тюркизмом *ясак* 'натуральная подать с народов Сибири Московскому государству', заимствованным в русский язык в досибирский период его развития. Материалы Картотеки Древнерусского словаря (КДРС) позволяют сделать вывод об общерусском статусе последней лексемы: коммуникативная актуальность обозначаемого ею понятия стала одной из причин ее употребления на всей территории Московского государства: не только в Сибири, но и в Астрахани, Казани, Кунгурском уезде Пермской губернии, в Москве, на территориях, соседствующих с Крымом и Турцией, и др. Вследствие того, что слово *алман* обозначало явление, характерное для общественных отношений, культуры Сибири, его функционирование не вышло за пределы данной территории.

Близким в тематическом отношении к рассмотренному выше сибирскому регионализму является тюркизм *кыштым* (*киштым*) 'данник, вассал (по отношению к южным самодийцам, качинцам, некоторым группам шорцев и др.)' [16, с. 345]. Первая письменная фиксация номинации *кыштым* связана с памятниками Канского острога 1629 г. [17, с. 69]. В деловых документах Томской губернии данная лексема известна с первой половины XVII в.: в бумагах Кузнецкого острога – с 1634 г., Томского – с 1640 г. «А те де *кыштымы* давали гедрю *ясак* в Кузнецкой острог по три года», Томск, 1653 г. [15, с. 111]. Кроме того, обозначение платящего дань вассала *кыштым* отмечено в тобольских, красноярских, иркутских памятниках, в Даурии [17, с. 69]. В КДРС отражена форма *киштым*, единичные контексты с которой представляют сибирские документы второй половины XVII в. – отчеты о сборе *ясака* по рекам Лене и Илим. Лексема не зафиксирована в словаре В.И. Даля. Данный сибиризм не

зафиксирован на других территориях Руси XVII в. Он был заимствован в русский язык из тюркского (татарского) источника, *кыштым* 'слуга' [16, с. 345].

Среди локально ограниченной лексики Сибири неисконного происхождения имеется промысловая лексика, отражающая специфические для сибиряков виды промыслов. К этой группе относится заимствование *коч* 'большая беспалубная парусно-весельная лодка длиной 14–15 м, грузоподъемностью 11–12 человек': «А они-де, служилые люди, в те поры в острожке были не все, только половина, а другая половина пятнадцать человек делали два *коча*». Томск, 1646 г. [15, с. 104]. Самая ранняя фиксация данной лексемы в русской письменности относится, по данным КДРС, к 1626 г.: «И против де Русково завороту пришла на них туча з дождем и ветр встречной с сиверу, и парус на *коче* изодрало, и сапец у *коча* выломило, и павозок разбило, и *кочь* с якорей збило и прибило за кошку» [21, с. 72]. Наряду с материалами географических открытий Восточной Сибири, слово *коч* отмечено в мангазейских документах конца XVII в., опубликованных в книге А.Н. Копылова «Из истории таможенного дела в Сибири» [22, с. 355]. Во второй половине XVII в. номинация палубно-весельного судна *коч* известна на территории Верхотурья, Братской, Иркутской Илимской губерний, Якутии [17, с. 65]. На протяжении XVIII в. лексема продолжает оставаться сибиризмом, а в XIX в. становится историзмом: «КОЧ *сиб.* большое палубное, рѣчное судно, съ веслами и парусами. *Сибирские кочи* вышли из употребления» [23, т. 2, с. 180]. Сохранению локальной ограниченности употребления лексемы *коч* способствовало наличие в русском языке синонима *шняка* 'рыбопромышленная морская лодка, поменьше лодки, длиной 4–5 саж., шириною сажень слишком; одна мачта, съ прямым парусом, на ней 4 человек' [там же, с. 641–642], который в XVII в. имел более широкую сферу употребления. Он зафиксирован и в сибирских деловых документах: «А великие места и лес угожий судовой есть, зделать *кочь* или *шняки* или в каких судах можно на тое великую реку поднятца ...» 1619 г. [24, т. 2, с. 251], а также в северной и центральной части Российского государства. Такой вывод о территории распространения лексемы *шняка* в XVII в. позволяют сделать данные КДРС, иллюстрирующие употребление данного слова более всего в Архангельске (*шняка мурманская*, 1596 г. [Книги прихода-расходные Антониева Сийского монастыря 1575–1643 гг. – Рукоп. СПб. ФИРИ РАН, ф. 5, оп. 2, № 1]), а также в Мурманске, Холмогорах, Московском уезде, Нижнем Новгороде.

К промысловой лексике относится номинация *тиски*, мн. (редко ед. *тиска*, ж.) 'вареные куски бересты, сшитые вместе, употреблялись для покрытия лодок' [15, с. 282]. Данное слово отсутствует в

КДРС, в Материалах для терминологического словаря Древней России Г.Е. Кочина и зафиксировано в сибирских исторических словарях. Следовательно, апеллатив *тиска* относится к местной лексике для XVII в. и сохраняет этот статус вплоть до XIX в.: «Тиска, ж. *остяц.* вареная береста, скала, сшитая полстями, для покрытия чумов, шалашей, лодок и пр.» [23, т. 4, с. 406].

Обозначение тонкого ножа *чукрей*, (*чукрий*) заимствовано в XVII в. из хантыйского языка (*šöxgi* ‘нож с узким лезвием для проделывания отверстий’) [16, с. 671]. «Того ж дни приѣхал ис Тоболска в Томской город важанин торговой члвкъ Кирилкъ Ефимовъ а у него руского товару тритцать пять топоров два замка задорожчатые две сте ложек пятнатцать *чукрѣвъ* простыхъ... а по томской таможенной оценкѣ того руского товару на сто на два рубли на один алтын на четыре денги», Томск, 1657 г. (РГАДА, ф. 214, кн. 359, л. 14); «Двадцать пять ножей *чукриев* с черенем – полтора рубли», Томск, 1624–1625 гг. [17, с. 169]. В КДРС в качестве иллюстраций к апеллативу *чукрей* вошли тексты из сибирских деловых документов: якутских, Туринского острога и др. Ареал распространения лексемы в Сибири довольно широк, это Мангазея, Тобольск, Верхотурье, Тюмень.

Локально ограниченное употребление показывает апеллатив *бакша* ‘небольшая коробка, ящик как мера измерения сыпучих тел (чаю, табаку)’: «И лисицы у него... не имывал и *бакшу* табаку ему не давывал», Нарым, 1688 г. [15, с. 15]. В КДРС зафиксирован лишь один контекст – из сибирских документов XVII в., содержащий форму *бахча*: «А въ Сибирском приказѣ С. Коровинъ по допросу сказал: какъ де онъ... былъ въ Китайскомъ государствѣ, и ему поденной кормъ даванъ: вмѣсто свѣчь и ѣствы 2 фунта масла посного, по *бахчѣ* чаю, по 100 орѣховъ грецкихъ», 1688 г. [25, с. 274]. Следовательно, анализируемая лексема является бесспорным сибиризмом для XVII в. и сохраняет данный статус в XVIII–XIX столетиях: «БАХЧА² (-кча), и, ж. *Коробка, ящичек, вмещающие один фунт чаю, табаку.* Из Сибири табаку шару привозят многое число и продают... по гривне и менши бакчу». Пам. сиб. ист. II, 123 [26, т. 1, с. 152]; «*сиб.* банка, ящик, коробка чаю» [23, т. 1, с. 40]. Возможно, слово *бакша* как наименование меры сыпучих тел, прежде всего чаю, заимствовано из тюркского источника, ср. тув. *баѣ* ‘голова, штука’, туб. *баѣ* ‘голова’, тоб. *баѣ* ‘голова, отдельная целая вещь’, откуда объясняется южно-красноярское *баи* ‘плитка, кирпич зеленого чая’ [16, с. 124].

Сакма ‘след, проложенный в степи, траве кемлибо, колея’: «Доехали до *сакмы*, куда бежал из-

менник, а по *сакме* де сметили, что он перед ними проехал за три дни». Томск, 1634 г. [15, с. 249–250]. Л.А. Захарова доказывает, что данная номинация тюркского происхождения функционировала в XVII в. на территории Сибири [27].

О влиянии на обычаи русских сибиряков языческих верований нерусского населения можно говорить на основании локально маркированной лексической единицы *ишишига*, употребленной в томских деловых документах в составе имени собственного и имеющей исходное значение ‘нечистый, сатана’: «Продал Шышыга ведерник оброчной, телицу Федьке Остафьеву не на убой», Томск, 1624 г. [СНРПТ, 310]. В материалах КДРС данная лексема в XVII в. не зафиксирована, отсутствует она и в словаре В.И. Даля. Возможно, данная номинация является оформленным при помощи суффикса *-иг-* заимствованием, восходящим к прибалтийско-финскому языку, ср. фин. *hiisi* ‘дух (лесной, водяной и др.)’ [16, с. 703]. Продуктивность суффикса *-иг-(а)* в процессе словообразовательной ассимиляции заимствований в XVII в. доказывают следующие слова: *кулига* ‘населенный пункт, деревня в лесу’ < фин.¹ *külä* ‘деревня’ [28, с. 34], ср. *кичига* ‘вид цепа’ < *кика* ‘женский головной убор в виде кокошника’ [29, т. 2, с. 241, 231], *верига* < *верать* ‘совать’ [29, т. 1, с. 299] и др. [30, с. 401].

Значительную часть неисконной локально ограниченной лексики Сибири XVII в. составляют названия народностей, племен, проживающих в Сибири.

Название одной из неславянских народностей Сибири *алтырцы* зафиксировано в томских деловых документах второй половины XVII в.: «А вам де не дойти Мугальской земли, а мы того убоялися, купили у них, алтырцов, лошади и скот на корм дорогою ценою». Томск, 1661 г. [15, с. 13]. Данная номинация отсутствует в СлРЯ XI–XVII вв. В КДРС зафиксировано два контекста из сибирских деловых документов: «А подь Красноярской и въ Красноярской уѣздъ нынѣ приходили воинские люди многие землицами, Еренячко Ишеевъ съ товарищи съ киргизами, и съ Тубинцами, и съ Алтырцами, и съ Езерцами», 1679 г. [31, с. 170]; «Иттить на его великого государя службу на Киргизъ и Тубинцовъ, и Алтырцовъ, за их многое воровство и измѣны, и смирить ихъ войною», 1700 г. [32, с. 110]. Этот бесспорный регионализм употребляется только в сибирских деловых документах, отсутствует в исторических и современных диалектных словарях.

Только в томских деловых документах засвидетельствовано название одной из аборигенных народностей (племен) Сибири *багасары* (*богасары*): «А орды, государь, великие многие к Томскому го-

¹ Сокращения языков и диалектов приводятся в соответствии с [16, 29].

роду прилегли: черные и белые колмаки и киргисские люди, и маты, и братья, и саянцы, и тубинцы, и кучегуты, и *багасары*, и кызылы, и кузнецкие люди, и все те, государь, люди около Томского города неподалеку кочуют и нас, государь, холопей твоих по землям и по пашням побивают», Томск, 1616–1617 гг. [24, т. 1, с. 449]; «Сказывал яз ему боярину что будто в десяти днищах в чулымских вершинах кочевья томских ясашных людей: кызылы, *богасары*...», Томск, 1620–1621 гг. [24, т. 2, с. 251]. В Истории Сибири Г. Миллера употребляется также дери́ват *багасарский*, образованный на базе данного сибиризма: «Приходили, государь, под Томской город войною твои государевы изменники киргисские ясашные люди и служивые татарова: *богасарские*, и кызылские, и чулымские». Томск, 1617 г. [24, т. 2, с. 448]. Этот томский сибиризм не зафиксирован в исторических и диалектных словарях, кроме Словаря народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века [15, с. 14]. В КДРС внесены контексты из томских документов, собранных в «Истории Сибири» Г. Миллера.

То же самое, что и о слове *багасары*, можно сказать о местной лексеме *кучегуты* (*кучюгуты*), являющейся названием одной из неславянских народностей Сибири [15, с. 110]: она отмечена только в Словаре народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века [там же]. «А к Томскому, государь, городу и Кузнецкому острогу прилегли орды многие, и кочуют, государь, белые и черные калмыки и киргисские люди и *кучюгуты* и братья и маты и саяны». Томск, 1620 г. [24, т. 2, с. 258]. См. также контекст к слову *багасары*. В КДРС имеются выдержки из «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера, представляющие томские деловые документы.

К регионализмам, функционировавшим в XVII в. только на территории Сибири, относятся также следующие номинации представителей коренного сибирского населения, не зафиксированные в СлРЯ XI–XVII вв. и в КДРС, но отмеченные в исторических и этимологических словарях Сибири: *орчаки*, *остяк*, *чавуралы*. Для сравнения можно привести тематически близкие обозначения сибирских народностей *калмак*, *киргиз*, *татарова*, *тонгус*, которые употребляются в письменных памятниках XVII в. разной территориальной принадлежности. Эти и подобные неисконные номинации являются экзотизмами и не рассматриваются в данной статье.

Среди неисконной локально ограниченной лексики Сибири имеется и бытовая лексика (*чувал*, *мурь*).

Тюркизм *чувал* ‘очаг, примитивная печь’, вошедший в русский язык, возможно, в XVII в., обозначает культурное заимствование у местных этносов, позволяющее в короткое время соорудить устройства для обогрева, что является крайне важным в

сибирских суровых условиях: «И велел у них в тех банях поделать юрты, на потолках велел прорубить мури и чувалы поделать по-юртовски», Томск, 1632 г. [15, с. 307]. В приведенном контексте наречие *по-юртовски* имеет значение ‘как у юртовских татар’. В КДРС для слова *чувал* имеется только один контекст XVII в. – из якутских деловых документов (пыточных речей) 1676 г.: «...они кь тѣм казакамъ кь Левкѣ и Ѳедотку кь Окосу въ юрту Ыздили вмѣстѣ ночью, ...и того де Левку убиль Байга, а онъ де Мавра въ то время стоялъ въ юртѣ за чуваломъ, а кто де Ѳедотка...» 1676 г. [20, с. 26].

В последнем томском контексте встречается еще один томский регионализм, зафиксированный в СНРПТ и не отмеченный в СлРЯ XI–XVII вв. и других лексикографических источниках, – *мурь*, мн. *мури* ‘отверстие для дыма (?), для трубы (?)’ [15, с. 135].

2. Ко второму типу неисконных локально ограниченных лексем Сибири, выделенных по основанию совпадения/несовпадения со словами общенародного языка XVII в., относятся единицы, представляющие собой модификации общерусских лексем:

2.1. Формальные регионализмы сохраняют семантику общерусских лексем, но отличаются от них по форме. О.С. Мжельская выделяет словообразовательные локализмы [11, с. 92], однако на материале неисконной лексики мы не можем выделить такой тип местной лексики.

Варианты *колобарда* и *калаберда* ‘оружие в виде насаженного на древко фигурного топорика’, на наш взгляд, являются результатом формально-семантической ассимиляции в сибирских говорах слова *алебарда*, заимствованного в русский язык через французское *hallebarde* ‘то же’ из средневерхненемецкого *helmbarte* [29, т. 1, с. 70], образованного путем сложения *helm* ‘защита’ и *barte* ‘топор, секира’ < ‘борода’ [33, с. 97, 26]. Возможно, формальная модификация *алебарда* > *колобарда* произошла вследствие семантического сближения и контаминации заимствования *алебарда* с глаголом *колоть*.

В качестве доказательства семантического тождества единиц *алебарда* и *колобарда* можно сравнить контексты сибирских памятников письменности, содержащие номинацию *колобарда*, с выдержками из московских актов со словом *алебарда*.

«А воеводы пойдут к храму или куды гулять – а перед ними идет человѣк з дватцать с протазаны и с *колобарды* и батожников человѣк с тритцать», 1618 г. [34, с. 293]; «А на воеводском дворе караул с протазаны и с *калаберды*». Томск, 1618 г. [15, с. 90]. Л.Г. Панин отмечает употребление данных единиц в тобольских памятниках письменности [17, с. 58, 62].

Ср.: «Въ козенныхъ погребяхъ: ... 23 протазана жъ худыхъ, 7 алибардь». ДАИ X, 98. 1682 г. [19, т. 1, с. 27].

Аналогичность данных контекстов очевидна: они содержат названия двух видов оружия с длинным древком, которые в текстах деловых документов часто употребляются в одном ряду.

2.2. Семантические регионализмы представляют собой смысловые модификации общерусских лексем при сохранении их формального тождества.

Необходимость изучения локальной семантики общерусских слов очевидна [5, с. 243; 11, с. 91; 35, с. 296 и др.].

Номинация *шапка* в значении ‘воинский шлем’, возможно, является для XVII в. особенностью сибирских, и в частности томских, памятников письменности: «Мы люди не одежные, воинской збруи пансырей и куяков и шапки у насъ, у холопей твоихъ, нЪтъ», Томск, 1630 г.

Употребление в приведенном выше контексте, с одной стороны, гиперонимического словосочетания *воинская збруя* ‘снаряжение воина’, а с другой стороны, согипонимов *пансырь* и *куяк* позволяет отнести номинацию *шапка* к военной лексике, а именно к тематическому ряду наименований доспехов. Данная позиция подтверждается и другими контекстами, содержащими наряду со словом *шапка* иные обозначения доспехов, например: *куяк* и *наручи*: «Дани своей я посылаю куюк да шапку да наручи», Томск, 1645 г. (РГАДА, ф. 214, стб. 74, л. 239). Промежуточный этап в развитии у слова *шапка* переносного значения ‘шлем’ отражен в атрибутивном словосочетании *шапка железная* в деловых документах Кузнецкого острога XVII в.: «Ясачные люди делают куюки, и шапки железные, железца стрельные», 1637 г. [17, с. 69]. Итак, модель развития переносного значения может быть представлена следующим образом: ‘головной убор’ > ‘головной убор воина’ > ‘шлем’.

Семантическим регионализмом является тюркизм монгольского происхождения *куяк*, употребляющийся в томских деловых документах в значении ‘вид панциря сибирских аборигенов’, в отличие от значения общерусской лексемы «вид панциря, состоящего из металлических пластинок, блях, набранных и нашитых на ткань» [19, т. 8, с. 154]. Специфика жизни первоначальников сибирских острогов, а именно их постоянное соседство с враждебными племенами татар, боровшихся за свою землю, обусловило тот факт, что тюркизм *куяк* в сибирских, в частности в томских деловых документах XVII в., обозначает доспехи автохтонного сибирского населения, поскольку употребляется только в контекстах об аборигенах: «А колмаки, государь, к городку приступали за щитами, а надевали на себя по два куюка» (Томск, 1616 г.) [15, с. 110];

«Ясачные люди делают куюки, и шапки железные, железца стрельные» (Кузнецк, XVII в.) [17, с. 69]; «Посылаю де я... дани своей куюк медяной с нагрудником серебряным и с камнем с яшмою да барсь да двести соболей». Томск, 1645 г. (РГАДА, ф. 214, стб. 74, л. 246). Особенность семантики номинации военного доспеха коренного сибирского населения *куяк* сохраняется и в значении его деривата *куяшник* ‘воин, одетый в куюк’: «а с ними мугальские люди – куюшника пришло на помочь х киргизам 400 человек, подпадаючи к нам под таборы, билися с нами 4 дни», Томск, 1636 г. [17, с. 153].

В деловой письменности центральных районов Московской Руси слово *куяк* может обозначать вооружение как нерусского, так и русского населения: «А государьскую соболиную казну на побоищѢ разграбили наши родники и иныхъ родовъ тунгусы оленные жъ, а куюки государские иные есть у нашихъ родниковъ, а иные куюки въ иныхъ родахъ у тунгусовъ», 1684 г. [36, с. 23]; «Принялъ я Ивашка у него Михаила служилыхъ людей и казну великого государя товарную и куюки великого государя...» 1678–1682 гг. [31, с. 182]; «...а на того Балтуга съ товарищи безъ указу войною идти не въ мочь, потому что за малолюдствомъ, а пансырей и куюковъ и пороху и свинцу нЪтъ...», 1676 г. [20, с. 5].

В качестве семантического регионализма может быть приведен тюркизм *кушак* ‘пояс восточного происхождения’ [37, с. 86], лексическое значение которого надделено, в отличие от общерусской лексемы, семой ‘восточного происхождения’. Сравним со значением, приведенным в СлРЯ XI–XVII вв.: *кушакъ* – пояс, повязка [19, т. 8, с. 152]. Наши контексты из томских деловых документов подтверждают данную семантическую особенность неисконной номинации, отмеченную Л.Г. Паниным для сибирской письменности. «Отпущен в кузнецы казачей брат Афонка Панов а у него пять кож дубленных три юфти кож красных двести аршинъ сукна бѢлово сермяжнаго два *кушака* бухарскихъ десятиры коты шитые...десятеры рукавицы вареги...», Томск, 1657 г. (РГАДА, ф. 214, кн. 359, л. 30).

Возможно, к локально ограниченной лексике Сибири XVII в. относится тюркизм *чемодан* ‘футляр, чехол на оружие’: «Да того ж тесака чемодан киндяшной красной, стеган на бумаге», Томск, 1635 г. [15, с. 304]. Общерусская лексема в значении ‘ящик для одежды’ представлена в КДРС.

Итак, используя описанную методику, мы выделили из текстов томских деловых документов XVII в. неисконную локально ограниченную лексику Сибири разных типов: собственно лексические регионализмы, формальные и семантические. Собственно лексические местные номинации называют явления предметного и не предметного мира, расширившие привычную языковую картину мира рус-

ских переселенцев, находящихся в постоянном контакте с коренным сибирским населением. Чаще всего это обозначения нерусского населения Сибири – различных племен и народностей. Неисконные локально маркированные лексические единицы отражают особенности общественных товарно-денежных отношений (*алман, кыштым, бакша*), религиозных воззрений (*шшишига*), свойственных та-

тарской культуре и заимствованных русскими вместе с их обозначениями. Среди местной лексики присутствует также промысловая (*коч, тиски, чукрей*) и бытовая (*чувал, мурь*) лексика, которая фиксирует те культурные заимствования русских первоначальников сибирского края, которые были им необходимы для того, чтобы выжить в новых трудных условиях.

Поступила в редакцию 29.12.2006

Литература

1. Тарасов Е.Ф. Диалог культур в зеркале языка // Встречи этнических культур в зеркале языка. М., 2002.
2. Этнография народов Томской области: Учебное пособие / Авторы А.П. Бардина, Т.А. Гончарова, Г.В. Грошева, Е.Ю. Кошелева, А.А. Локтионова, Н.В. Лукина, И.Е. Максимова, Л.В. Парнюк, Н.А. Тучкова. Томск, 2005.
3. Палагина В.В. Об исходном состоянии томского говора // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1973. № 1. Вып. 1.
4. Захарова Л.А. О диалектной основе сибирских говоров XVII – начала XVIII века // Актуальные проблемы русистики: Мат-лы Междунар. науч. конф. Томск, 2003. Вып. 2. Ч. 1.
5. Дерягин В.Я. Об употреблении диалектных слов в памятниках местной деловой письменности (слова *деревня, починок, подворье, двор* в важных актах XVII века) // Диалектная лексика 1969. Л., 1971.
6. Дерягин В.Я. Русская деловая речь на Севере в XV–XVII вв.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1980.
7. Мжельская О.С. Местная лексика в псковской деловой письменности XIV–XV веков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1956.
8. Борисова Е.Н. Из истории бытовой лексики рязанских памятников XVI–XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Балашов, 1957.
9. Борисова О.Г. О лексикографическом описании говоров Кубани // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2005 / Ин-т лингв. исслед. СПб., 2005.
10. Мызников С.А. Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл. СПб., 2005.
11. Мжельская О.С. Лексика псковского рынка начала XVII в. // Севернорусские говоры. Межвузовский сборник. Л., 1984.
12. Полякова Е.Н. Лексика и ономастика в памятниках письменности и в живой речи Прикамья. Избр. тр. Пермь, 2002.
13. Мжельская О.С. Территориально ограниченная лексика в древнерусских памятниках (диалектизмы и регионализмы) // Русская региональная лексика XI–XVII вв. М., 1987.
14. Захарова Л.А. Регионализмы в Томском историческом словаре XVII в. // Русские говоры Сибири: Лексикография / Отв. ред. Г.А. Раков. Томск, 1993.
15. Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / Под ред. В.В. Палагиной, Л.А. Захаровой. Томск, 2002.
16. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.: Новосибирск, 2000.
17. Панин Л.Г. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. Новосибирск, 1991.
18. Цомакион Н.А. Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII вв. Красноярск, 1971.
19. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2006. Вып. 1–27.
20. Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. Т. VII. СПб., 1859. 1675–1681 гг.
21. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. Сборник документов / Сост. С.Н. Орловой. Под ред. А.В. Ефимова. М., 1951.
22. Копылов А.Н. Из истории таможенного дела в Сибири. М., 1965.
23. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 тт. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. Т. 1–4.
24. Миллер Г.Ф. История Сибири. Приложения: в 2 т. М.; Л., 1937–1941. Т. 1–2.
25. Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. Т. XII. СПб., 1872. 1684–1699 гг.
26. Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984. Т. 1.
27. Захарова Л.А. К истории слова *сакма* в сибирских говорах // Русские говоры Сибири. Семантика. Томск, 1995.
28. Чайкина Ю.И. История лексики вологодской земли (Белозерье и Заволочье). Вологда, 2005.
29. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 тт. М., 1986–1987. Т. 1–4.
30. Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М., 2001.
31. Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. Т. VIII. СПб., 1862. 1678–1681 гг.
32. Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. I. 1700–1713 гг. СПб., 1885.
33. Wasserzieher E. Kleines etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Leipzig, 1975.

34. Покровский Ф.И. Путешествия в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г. // Известия ОРЯС. СПб., 1914. Т. 18, кн. 4.
35. Малышева И.А. О словаре торговой лексики XVIII в. // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. СПб., 2005.
36. Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. Т. XI. СПб., 1869. 1684–1685 гг.
37. Панин Л.Г. Лексика западносибирской деловой письменности. XVII – первая половина XVIII вв. Новосибирск, 1985.

УДК 801:001.89

Т.М. Ильинская

ЗНАЧИМОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В СОВРЕМЕННЫХ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Томский политехнический университет

Настоящий этап развития лингвистической науки направлен на изучение языка в его тесной взаимосвязи с человеком говорящим, а также исследование роли языка в процессе познания человеком действительности. Путь исследования познавательных процессов лежит через анализ речемыслительной деятельности человека, а следовательно, и языковых явлений. Таким образом, «...лингвистика – единственная из современных наук, объект которой совпадает с ее дискурсом по поводу этого объекта» [1, с. 61].

В ходе исторического развития определенного культурного сообщества происходят, на первый взгляд, незначительные сдвиги в мировидении, а следовательно, и формообразовании мыслительных структур. Но если дистанцироваться на более значительное временное расстояние, то даже в рамках одной культуры становятся более понятны причины, сформировавшие культурное сознание в определенном историческом периоде времени. Таким образом, «сравнительный анализ различных национальных и исторических типов ментальности способен помочь постичь свое «культурное бессознательное» [2, с. 10]. Проводя исторический анализ языковых фактов, можно получить ответ о способах и специфике мировосприятия и ментальных процедурах, присущих представителям определенной исторической эпохи. «Заниматься исторической семантикой – все равно, что производить исторические раскопки, но не с целью найти определенные отправные точки и линии развития, а в надежде воссоздать общую картину, утраченную во времени», – пишет Марк Бишофсбергер [3, с. 7].

В настоящее время собран и проанализирован обширный материал по истории различных слов и лексических групп как предметной и бытовой лексики, так и абстрактных имен. В рамках таких исследований выявляются причины, условия и время возникновения определенных лексем, а также тенденции развития их семантической структуры. (Подробнее см.: В.В. Виноградов, Р.А. Будагов, В.В. Колесов, В.И. Гончарова и др.).

Цель данной работы заключается в том, чтобы показать объяснительную способность данных, полученных путем историко-этимологического анализа, с одной стороны, и возможности синхронного среза языка скорректировать диахронные построения, которые часто бывают многозначными, с другой стороны. Это теоретическое утверждение мы рассмотрим на примере эволюции представлений о *силе* в русском языке по данным лексикографических источников [4–14].

Реализация поставленной цели потребовала определить состав лексико-семантического поля, выявить его ядерную и периферийную части и проследить динамику развития семантики каждого из его элементов. Под ЛСП понимают совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда даже общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений [14, с. 380].

Исторический и этимологический анализ лексических единиц позволяет выявить этапы формирования и осмысления данного понятия в русском языке и определить, каким образом менялось представление, какие признаки актуализировались в сознании носителей языка в разные отрезки времени.

Традиционно, описывая структуру ЛСП, прибегают к терминологии естественных наук, а именно: выделяя ядро и периферию (ближнюю и дальнюю). Языковые единицы, представляющие ядерную часть, обладают концентрацией наиболее существенных признаков, стилистически нейтральны и имеют высокую частотность употребления. В настоящей работе нас интересовали прежде всего лексические единицы, которые составляют ядерную часть лексико-семантического поля *силы* в русском языке.

По данным лексикографических источников [12–13], понятие *силы* в сознании носителей русского языка на современном этапе представлено следующими лексическими единицами: *сила, крепость, мощь, мощность*.